

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Наталья Дурова

КОТЪКА

ДЕТГИЗ • 1962

К Н И Г А   З А   К Н И Г О Й

НАТАЛИЯ ДУРОВА

КОТЪКА

Рисунки Н. Чарушина

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1962

С О Д Е Р Ж А Н И Е

От автора	3
Чавка	5
Матрёна и Люлька	10
Комендант	14
И заяц способен на подвиг	21
Как свинья стала рысаком	24
Две подружки	28
Ежонок Тимка и мышонок Невидимка	33
Привитый дичок	37
Котька	41

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Дурова Наталия Юрьевна

КОТЬКА

Р а с с к а з ы

Ответственный редактор *С. В. Орлеанская*. Консультант по художественному оформлению *С. М. Алянский*. Технический редактор *Р. И. Прозоровская*.

Корректора *В. П. Кучерова* и *В. В. Самороднова*.

Сдано в набор 9/X 1961 г. Подписано к печати 16/1 1962 г. Формат 60 × 92¹/₁₆ — 3 печ. л. (2,27 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз. ТП — 1962 № 231.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 1603.

От автора

В нашей семье все дрессировщики, поэтому дома всегда были звери. В цирке — тоже звери. Я настолько к ним привыкла, что они заменяли мне кукол. Кукол у меня не было. И я зачастую думала:

«Какие смешные девчонки! Подумаешь, кукла! Что в ней хорошего? Молчит, лупоглазая, ресницами хлопает, а рассердись на неё, брось её — упадёт и расколется». Куклой звали мою собаку. Она была живой, настоящей и умела за себя постоять. Попробуй схватить её за хвост! Нос у неё сморщится, с обеих сторон приподнимутся губы, и покажется неровный заборчик белых зубов.

А если тебя кто-нибудь обидит, ты подойдёшь к ней и всё расскажешь. Она, доверчиво глядя на тебя, вдруг лизнёт твой нос, и ты забудешь про обиду. Собаки ведь говорить не умеют. Зато визжат здорово. Особенно от радости. Однажды, когда мне было весело, я попробовала так же завизжать, но мама сказала:

— Перестань сейчас же! Тебе пять лет, а ты не понимаешь, что баловаться нельзя.

«Почему баловаться?» — долго потом раздумывала я. Ведь когда моя собака Кукла так визжит, встречая нас, то все её гладят, ласкают и дают что-нибудь вкусное. Но маме я этого не сказала. Ведь если мама видела, что я балуюсь, то обязательно советовала мне брать пример с Кати.

Катя, моя подруга, у которой всегда только и были куклы да тряпки, она тогда даже и не знала, что заяц умеет барабанить, а сурки, когда хотят меня позвать к себе, громко и продолжительно икают: «И-ик! И-ик!» Икают вовсе не потому, что съели сухую корку хлеба, а просто это их особенность. Встанут на задние лапы, превратятся в столбики и икают. Ничего этого Катя не знает. Сидит целый день, целенаправленно кукол, лечит их. И так всё время: и летом, и зимой, и весной, и

осенью. Ей, наверное, это было даже безразлично: снег ли за окном или тёплые, клубящиеся паром лужицы. Катя, когда я ей рассказывала, что у меня почти целый год иногда бывает лето, не верила мне. Ведь она никогда не разъезжала с цирком и не смогла бы понять этого. А всё очень просто: цирковые артисты всегда в пути. И, когда у Кати в Москве зима, я живу в Средней Азии, где в это же время летняя погода. И всё же иногда мне становилось грустно: Катя играет в снежки, катается на санках и, конечно, по-зимнему одевает своих кукол.

Что ж! Уедем отсюда, а там, в новом городе, зима, сыплется снег. Мама распакует мне санки, тогда я тоже смогу пеленать и одевать своих... нет, нет, конечно, совсем не кукол, а сурков. Они зимой всегда спят, и можно их пеленать как угодно. Они не проснутся и не укусят.

Так думала я, когда мне было пять лет. Я любила животных, потому что они могли быть тем, чем никогда бы не смогла стать тряпочная, набитая опилками кукла.

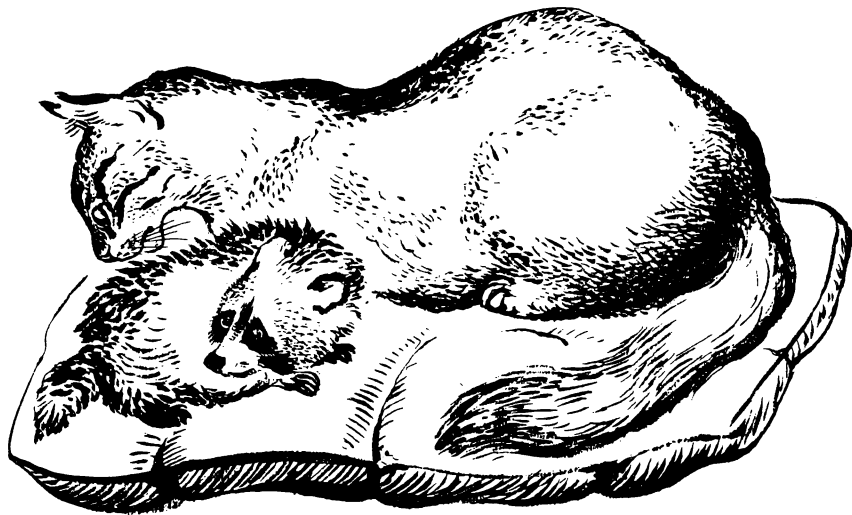
С тех пор прошло много лет. Но я по-прежнему с животными. И, если в детстве они мне заменяли игрушки, сейчас это моя работа. Теперь я работаю дрессировщицей. У меня много четвероногих артистов. Я каждый день наблюдаю за жизнью моих питомцев.

Их жизнь за кулисами цирка совсем не похожа на ту, которую ведут животные в зоопарках, зверинцах, в Уголке дедушки Дурова. Цирковые животные постоянно гастрوليруют, кочуя из города в город. Для них не новость длинный товарный состав, они не пугаются пронзительных паровозных гудков, не удивляются восторгам ребятишек, которые встречают их на остановках. И, уж конечно, они всегда радуются, если на каком-нибудь случайном разъезде можно подышать свежим воздухом.

Четвероногим гастролёрам приходится работать и под лёгким шапито летнего цирка, в жару, не очень-то приятную артистам, пойманным на севере. Приходится привыкать и к холодным сквознякам зимнего цирка, всегда опасным для южан.

И мне хочется немного рассказать о жизни на колёсах, которую ведут четвероногие циркачи, о том, как они к нам попадают, как привыкают к бесконечным переездам и какая порой необъяснимая возникает между ними дружба.

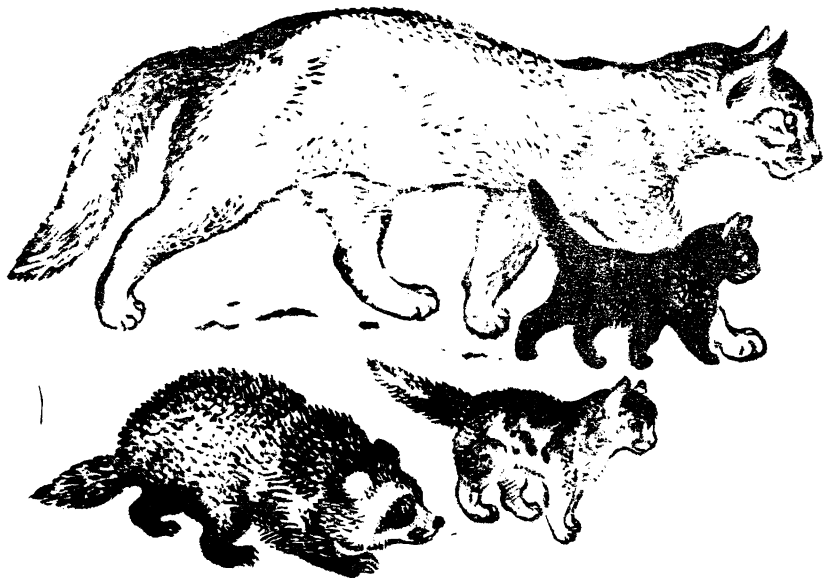
ЧАВКА

Во всём была виновата только я.

Кошка металась около канавки, подбегала к самой воде, слегка намочив лапы, судорожно трясла ими и, надрываясь, жалобно мяукала. Невдалеке два пушистых котёнка испуганно жались друг к другу. Но кошка будто забыла о них. Она не сводила глаз с канавки, где, отфыркиваясь и быстро перебирая лапками, плывал маленький енот.

Мне было понятно кошкино волнение. Это было обычное волнение матери, и началось оно ещё с тех пор, когда кошкина семья неожиданно стала больше: появился приёмный сын — маленький енот Чавка.

С тех пор у мамы-кошки не было покоя. На прогулку, когда кошка выводила всю свою семью во двор, Чавка шёл охотно, но здесь-то кошку и ожидали самые невероятные сюрпризы.

Чавка шёл, как всегда, позади котят, и если те, храбро подёргивая кончиками хвостов, выступали воинственно и чинно, то Чавка не шёл, а плыл, переваливаясь с боку на бок.

И, как кошка ни старалась, чтобы все дети её были как на подбор — величавы, статны, — Чавка портил всю картину. Густая тёмно-бурая шерсть его свисала клочьями, и, хоть кошка зализывала её своим шершавым язычком, всё равно ничего не получалось: вид у приёмого сына был по-прежнему неопрятный. Чавкина шёрстка лоснилась только тогда, когда енот пробовал охотиться.

Но и тут мама-кошка была им недовольна. Она учила детей быть храбрыми и смелыми, а Чавка был скорее любопытным. И порой, увидев мало-мальски интересующую его букашку, он останавливался, преспокойно усаживался на задние лапы и передними, словно руками, цепко держал букашку до тех пор, пока растерянная и поражённая непонятным поведением сына кошка не сбивала его лапой, и Чавка,

ссутулясь, неохотно и безразлично снова передвигался на четвереньках.

Когда котята, охотясь, уже могли оттолкнуться задними лапками, прыгнуть, красиво вытянув при этом в полёте корпус, кошка всё ещё мучилась с Чавкой. Охотился он прекрасно, но прыгал не так легко и почему-то сразу на все четыре лапы.

Потом, когда гордые успехом котята, урча и мяукая, поедали свою добычу, Чавка опять садился на задние лапы и передними аккуратно расправлялся с воробьём. Делал он это быстро, с радостным чавканьем, за что и получил своё имя — Чавка.

Вообще Чавка мяукать не умел. И кошку, наверное, огорчало, что сын скорее напоминал не её, а их старого злейшего врага — непородистую и вредную собаку Жука.

Поэтому, когда Чавка фыркал на разыгравшихся котят, причём фыркал так похоже на Жука, у кошки, и это, пожалуй, даже не зависело от неё, спина выгибалась дугой, и она, ошестинившаяся и сердитая, косо, боком, медленно наступала на Чавку.

В самую решительную минуту ласковый Чавка бросался ей навстречу. Он, быть может, думал, что мама вовремя подросла на помощь. Тогда кошке тотчас становилось неловко, и она, наверное, поэтому, забывая о котятах, всю заботу и внимание отдавала Чавке.

А Чавка был необычайно прожорлив и рос действительно не по дням, а по часам. В свои пять месяцев, когда котята всё ещё были пушистыми шариками, он уже был больше мамы-кошки.

Кошку это не беспокоило. А меня Чавка очень радовал.

«Ну, Чавка, — думала я, — скоро можно будет с тобой заниматься. Ты станешь настоящим артистом. Будешь ты у нас прачкой».

Научить Чавку стирать легко. Ведь даже на воле, найдя лакомый кусочек, прежде чем съесть, енот его обязательно ополоснёт. Такова уж природная особен-

ность енота. И дрессировщики ловко используют это в работе. Сначала Чавка будет споласкивать в корытце кусочки мяса, которые я буду ему бросать. Затем я заверну кусочек мяса в платок и брошу в корытце. Чавка, почувствовав запах мяса, обязательно развернёт платок, но, разворачивая, будет по-прежнему споласкивать платок вместе с кусочком мяса. И вот, когда он привыкнет получать мясо из платка, я возьму и перехитрю его. Брошу в корытце пустой платок. Чавка не заметит этого и быстро сполоснёт платок. Но мясо получит у меня из рук. Так он станет прачкой.

Я уже представляла себе большую тумбу, где будет устроена прачечная. Чавка выйдет из домика, перелистает на пеньке книжку своих записей — кому сдал бельё, от кого принял, потом деловито поднимет вывеску: «Прачечная открыта». Пока я об этом думала, кошка семья подошла к неглубокой водосточной канаве. Котята шаловливо играли с Чавкой, мама-кошка наблюдала за ними. Вот котята погнали Чавку к самому краю канавы. И вдруг у Чавки пропала шалость. Потом, точно ощупывая перемешанную с песком влажную землю, он задвигал передними лапками, нашёл букашку, ещё немного, — и, опустив лапы в воду, он начал невольно делать те движения, что мне были необходимы при дрессировке. Ах! Если бы у меня был кусочек мяса, то можно было бы попробовать и начать первую в Чавкиной жизни репетицию.

Осматриваю свои карманы. Кроме крохотного кус-

ка сахара. ничего не нашлось. Желание проверить Чавку было так велико, что я забыла о маме-кошке и протянула маленькому еноту сахар. Он взял его в лапки, обнюхал, опустил лапы под воду и стал тереть.

— Молодец, Чавка, молодчина! Полощи, споласкивай!

А Чавка действительно, будто споласкивая, всё тёр и тёр сахар.

Я была рада. Что ж, не пройдёт и полугода, как на манеже цирка появится ещё один хороший артист.

Лапки енота быстро работают под водой. Но вот он вынимает их. Они пусты и липки. Конечно, сахар растаял! Не понимая, что произошло, Чавка вдруг рванулся вперёд. Бултых! И очутился в канаве.

Бедная кошка! Она была хорошей и доброй мамой, и, пожалуй, если бы я не вытянула из воды Чавку, кошка прыгнула бы в канаву спасти его. Но, увидев Чавку уже на суше, кошка сталализывать его мокрую шерсть. А немного успокоившись, поспешила увести всю свою семью прочь от канавы.

Так они и шли. Впереди выступали котята, выступали гордо. За ними, лениво подпрыгивая, брёл Чавка. А последней, еле-еле, шла мама-кошка. И, несмотря на то что бока её были впалые, а походка усталая, я глядела на неё с уважением и чувствовала себя виноватой.

Ну что поделаты! Хотя Чавка теперь и кошкин сын, однако стать прачкой ему придётся.

МАТРЁНА И ЛЮЛЬКА

В цирк Люлька попала благодаря своему неспокойному, нервному характеру. Было это во Владивостоке. Её, крошечную обезьянку, привёз на пароходе боцман в подарок сыну. Восторгам мальчика не было конца. Люлька действительно была очень забавна в своём клоунском колпачке с кисточкой и в костюме, сшитом из разноцветных корабельных флажков заботливой рукой боцмана.

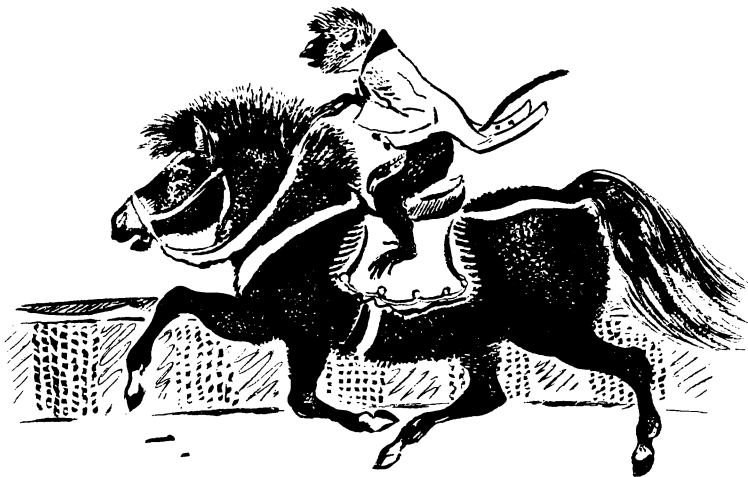
Но не прошло и часа, как в доме у боцмана начались беспорядки. Сначала был опрокинут туалетный столик и разлиты духи, а к вечеру буквально на всём, что находилось в комнате, лежали следы Люлькиных проделок.

Тогда-то и раздался у нас в гостинице телефонный

звонок: «Есть обезьянка, очень хорошая, но... Возьмите её, пожалуйста, к себе, в цирк». Так Люлька оказалась в цирке. Ей тотчас пришлось привыкать к клетке и окружавшей её обезьяньей компании.

В жарком обезьяннике сидело пять обезьян, и все они были разные. Только одна, старая, но уже известная артистка Матрёна, была похожа на Люльку. У неё была такая же голова, напоминающая собачью, и хвост, как у Люльки, но характер совсем другой, флегматичный. Быть может, поэтому осанка у Матрёны была величественная. Она часами могла рассматривать облезлого попугая Макара, совершенно не обращая внимания на его попугайские однообразные остроты. Когда же ей это надоедало, она сосредоточенно ковыряла пальцами свою волосатую грудь, делая вид, что кого-то выскивает. Утомившись, Матрёна издавала грустный, протяжный вопль. Первой ей отвечала Люлька, затем в обезьяннике поднимался невообразимый шум. Тогда Матрёна, видимо вполне удовлетворённая «вниманием», которое ей оказывали обезьяны, почесавшись, ложилась спать.

Только по воскресеньям она вела себя необычно. Однако это было не по её вине и объяснялось очень просто. Дрессировщик заставлял Матрёну разыгрывать роль умной и благовоспитанной обезьяны. Она должна была перелистывать страницы большой книги, где незаметно для зрителя находила себе лакомства. Затем ей, как в ресторане, подавалась московская солянка, которую она аккуратно ложечкой съедала. А так как в воскресенье ей приходилось выступать в четырёх представлениях подряд, то к концу она сильно наедалась и долго возилась в своей клетке, не давая заснуть соседкам. Особенно в эти минуты волновалась Люлька. Когда кто-нибудь пытался подойти к Матрёниной клетке, она хваталась за прутья решётки и яростно трясла их. А Матрёна, прикрывшись тёплой тряпкой, блаженно похрюкивала.

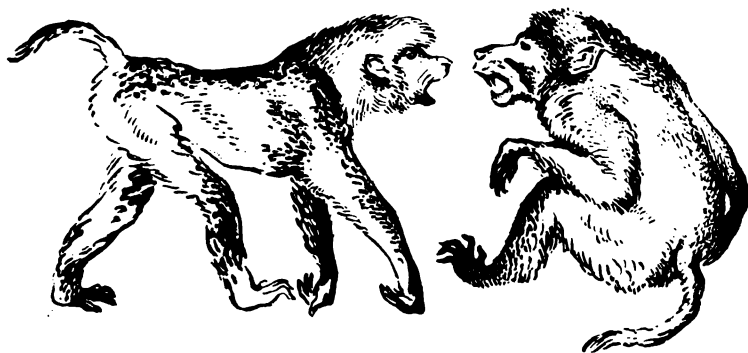

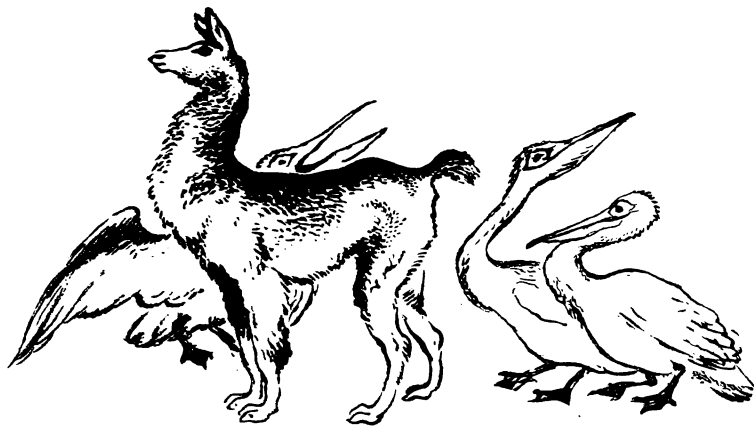
Как-то во время уборки Люльку выпустили из клетки и привязали к двери. Поводок оказался длинным. Люлька мгновенно очутилась рядом с Матрёниной клеткой. Несколько секунд они рассматривали друг друга, удивлённо двигая лбами, а познакомившись, обезьяны уже не захотели расстаться. Только по утрам Люльку, начинающую артистку, на репетицию брали одну. Очень раздражительная, она по каждому пустяку впадала в истерику. Бывало, стоило ей показать маленький, тоненький прутик, как она сейчас же бросалась на опилки и оглашала весь манеж душераздирающими воплями. Но если дрессировщик зазевался, то (пеняй на себя!) осторожно, исподтишка, Люлька умудрялась его укусить. Но всё это не мешало ей быть очень способной артисткой. Уже через два месяца Люлька участвовала в скачках, грациозно восседая на пони.

Однажды вечером, когда Матрёну должны были взять на работу, неожиданно из клетки вынули Люльку, а Матрёна тихо уселась около решётки ожидать приятельницу. Но через несколько минут она заметалась по клетке, раскричалась, выкинула кор-

мушку, стала рвать тряпку. Вскоре стало понятно обезьянье волнение: с манежа доносилась музыка, под которую более двух десятков лет Матрёна исполняла свой номер. Вот музыка смолкла, дверь обезьятника распахнулась и внесли усталую Люльку.

С этого дня Люлька во всём заменила Матрёну, а старая актриса появлялась на манеже только на премьерах или очень ответственных представлениях.

КОМЕНДАНТ

Однажды, когда животные переезжали в другой город, в вагон, где находилась клетка с пеликанами, поместили новичка — ламу.

Бедняге не хватило места у маленьких лошадок — пони, поэтому Петька (так звали ламу) всю дорогу приноравливался к быту своих странных соседей — пеликанов. Это было довольно трудно. Время летнее. В простом товарном вагоне душно, и Петьке в его пышной шубе приходилось туго. Утром его будили назойливые мухи. Разморённый и злой, он поднимался и, тупо уставившись в одну точку, тихо стоял, не привлекая к себе внимания соседей.

Однако, когда приносили ведро с водой, в котором плавала вымытая для пеликанов рыба, Петька вздрагивал и радостно тянулся к ведру. Пеликаны, испуганно возмущаясь, махали серовато-белыми крыльями и, раздувая мешки громадного клюва, бросались на Петьку. Порой ему здорово доставалось, но большей частью скандал кончался благополучно. Пеликаны опрокидывали ведро с водой, начинали купаться, взъерошивались, трясли крыльями, потом целым фонтаном брызг обдавали Петьку. Петька не

зевал. Он наклонял голову и принимал сначала неожиданный душ, а потом, в грязной луже, вытекавшей из пеликаньей клетки, устраивал себе ванну и с удовольствием барахтался в ней.

Искупавшись, Петька, гордо подняв голову, рассматривал своих соседей-пеликанов. Это были большие птицы с длинными-предлинными клювами. Как только им бросали рыбу, под клювом у них мгновенно вырастали мешки. Хитрые, прожорливые птицы, наверное, этими мешками показывали, что они могут съесть рыбу, пожалуй, только чуть-чуть поменьше себя. И это действительно было так. Петька сначала пугался пеликанов, но потом стал даже на них злиться, топал копытами и плотно прижимал свои уши. Несмотря на то что в этот момент Петька был необычайно свиреп, с прижатыми ушами он всё-таки напоминал кроткую, добрую овечку.

Петька вообще был похож сразу на нескольких животных: тонкие, сильные, мозолистые на коленках ноги его напоминали ноги верблюда, а всегда насторожённые уши были красивее и нежнее, чем у осла. Зато хвост — он был ни с чем не сравним, разве только с кистью маляра, сделанной из рогожки.

Но пеликанам, видимо, их сосед был безразличен. Они даже не заметили его отсутствия, когда, прибыв в цирк, ступили на прочный пол просторных клеток. Пеликаны расхаживали по клетке, расхаживали не останавливаясь, наверное, для того, чтобы с каждым шагом уходило ощущение зыбкости дорожных клеток.

Петьке тоже отвели на конюшне целое стойло. Но почему-то он упорно не хотел там стоять: беспрестанно перекусывал шлейку, отвязывался. И наконец ночью, никем не замеченный, выбрался из стойла и стал бродить по цирку. Миновал конюшню и вдруг, потянув носом воздух, остановился как вкопанный. Пахло чем-то знакомым. Петька отправился на запах и, быстро найдя вольер, где, нахохлившись, дремали пеликаны, успокоился. Удобно лёг и заснул. Все бы-

ли удивлены случившимся, но Петьку больше не тревожили. Так началась дружба ламы и пеликанов.

Спустя немного времени выяснилось, что у Петьки очень общительный характер. Не в меру любознательный, он теперь свободно разгуливал за кулисами цирка и, не забывая пеликанов, заводил всё новые и новые знакомства.

За то, что Петька, где бы ни появлялся, чувствовал себя хозяином, держался солидно и строго, его шутя окрестили Комендантом.

Петька привык к новой кличке и отзывался на неё.

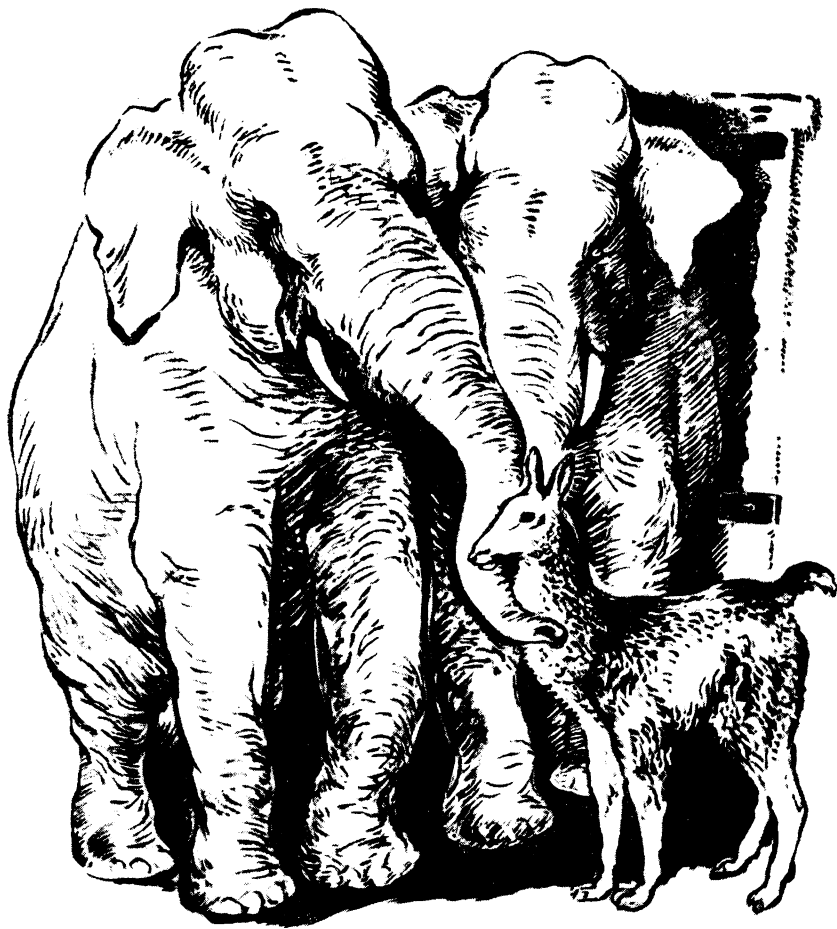
Однако, когда ему кто-нибудь начинал надоедать, он, надменно глядя своими тёмно-голубыми глазами, зло прижимал уши и смачным плевком награждал обидчика.

Как-то к слонихам, около которых постоянно блуждал Петька, пригласили парикмахера, чтобы перед премьерой почистить им ногти, а затем, разведав извёстку, сделать своеобразный слоновий маникюр.

Петька, конечно, был тут как тут. Увидев ламу, парикмахер растерялся и, махая рашпилем, закричал: «Кыш! Уйди отсюда! Кыш, тебе говорят!» Петька испуганно помчался прочь, но не прошло и двух минут, как Петька вернулся, вплотную подошёл к парикмахеру и наградил его плевком. Довольный тем, что отстоял свою независимость, Петька уже не отходил от слонов.

Вообще со слонами у Петьки сложились интересные взаимоотношения. Большие добрые слоны совсем не обижались на Коменданта, если он в их кормушках находил себе лакомства. И зачастую было трудно решить, кому же Петька отдаёт предпочтение — пеликанам или слонам.

Вскоре снова настало время переезжать в другой город. Из цирка уже начали отправлять животных на вокзал. Причём каждый из них добирался по-разному. Рядовые артисты, вроде пеликанов, всегда уезжали на пятитонках, а премьеры — слоны —

торжественно шествовали пешком. И вот, когда клетку с пеликанами поставили на машину и повезли, Петька тотчас подошёл к слонам и ни на шаг не отходил от них. А те были ему даже благодарны. Робкие и неуклюжие, они всегда останавливались около вагона, не решаясь ступить на шаткий мостик, но, видя, как легко и грациозно взбирался Петька, слоны спокойно следовали за ним.

Не прошло и пяти дней, как дорога кончилась, а вместе с ней и лето. Петька с друзьями попал в цирк, на север.

Зиму любят, конечно, все: и дети и взрослые. Даже слоны и те не против зимы. Им очень нравится белый пушистый снег, но совсем не нравится зимний холод и стужа.

А погода в день приезда стояла суровая: наступили тридцатиградусные морозы.

Вывести в такой холод слонов на улицу из теплушки, чтобы довести до цирка, — значило обречь их на гибель. И тогда решили заказать для слонов валенки и шубы.

Шутка сказать — слону валенки! Только на один слоновий валенок нужно материала ровно столько, сколько на десять пар детских!

Целую смену мастера изготавливали слоновьи валенки. Вскоре состоялась примерка. Мастера растерянно, боком подходили к «заказчикам», а те неохотно поднимали свои громадные ноги. Всё было вполне понятно: одни впервые выполняли такой заказ, а другие никогда в жизни не носили валенок.

Но вот валенки и шубы готовы, остаётся только принарядить слоних. Однако сделать это не так-то легко. Младшая слониха заупрямилась и не надела шубу. Слониху пришлось смазать всю толстым слоем жира. Зато валенки обе слонихи позволили натянуть на свои огромные ноги.

Животных вывели на улицу, и вдруг Петька, по привычке разыскивая своих друзей — слоних, остановился как вкопанный. Он не узнавал слоних и с ужасом смотрел на них. Одна слониха была почти такая, как всегда, только иного цвета — кожа её лоснилась. Другая же слониха представляла собой высотную палатку из брезента, меха и медных пряжек, похожих на окна. В довершение всего — и это было самое страшное для Петьки — у слоних были совсем другие ноги. Они едва ворочали этими негнущимися столбами и двигались так, как футболисты на замедленной съёмке футбола.

Петьку пытались подвести к слонихам, но он ни за что не хотел подходить к ним: упирался, бил замёрзшую землю передними копытами и вдруг бросился в сторону и побежал, не соблюдая никаких правил уличного движения.

Сразу резко остановились машины и автобусы: перед Петькой возник милиционер. Да, нарушитель на сей раз был особый, и поэтому милиционер растерянно вертел в руках бланк для штрафа.

Один из водителей, открыв дверцу машины, громко крикнул:

— Товарищ начальник! Так это ж не он виноват. Отпустите! Это ж слоны. Они проверяют продукцию местной промышленности...

Милиционер смотрел на нарушителя улыбаясь, однако Петьку всё-таки пришлось вести с вокзала отдельно. Он успокоился в цирке только тогда, когда со слоних сняли валенки и слонихи стали прежними, какими он знал их всё время.

* * *

Прошло время, и, когда уже все забыли о слоновьих валенках и Петькином страхе, Петька Комендант снова поразил цирк. Но теперь он поразил всех не страхом, а смелостью.

Когда начиналось представление, Петьку, как не участвовавшего пока в нём, по обыкновению, привя-

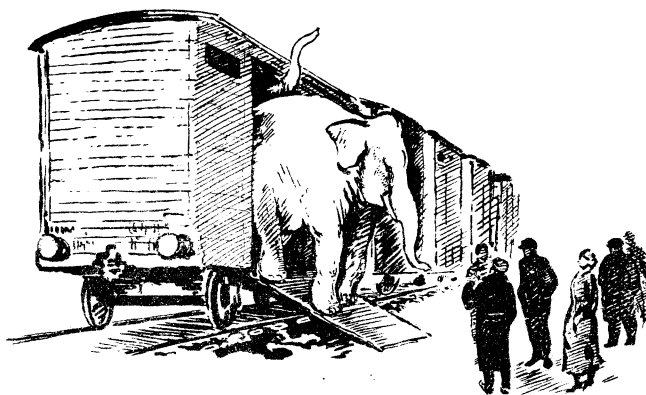
зывали. Но однажды впопыхах про него забыли. И Петька беспрепятственно устроил себе раньше срока дебют. Он привычным путём подошёл к занавеси и вдруг увидел непорядок. На манеже было темно, и со всех сторон раздавались странные шорохи. Петьку же всегда волновали новые звуки и запахи, и поэтому он, не смущаясь, пошёл вперёд. Внезапно яркий сноп света сковал его движения. Он зажмурился и тотчас же открыл глаза. Сверху, почти из-под самого купола, издавая непонятные звуки, на него летели какие-то чудовища.

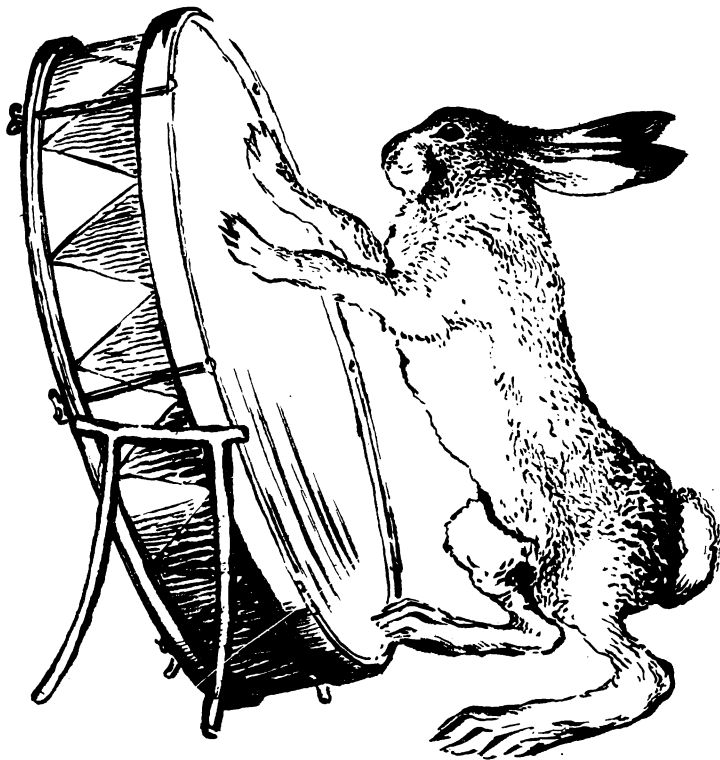
Вот они приземлились и, к удовольствию Петьки, оказались пеликанами. Петька тотчас затанцевал. Пеликаны, не обращая на него никакого внимания, шли к занавесу. Петька забежал вперёд так, чтобы они его увидели. Пеликаны продолжали идти. Тогда он загородил дорогу и стал бить копытами по опилкам, поднимая целые фонтаны древесных брызг. Пеликаны в страхе полетели в разные стороны.

Глупый Комендант! Разве мог он знать, что на манеже идёт представление и его закадычные друзья-пеликаны должны были важно пройти по манежу!

Ночью, после работы, дрессировщик разыскал Петьку и, несмотря на то что Комендант без разрешения вышел на манеж, дал ему сахар и поздравил с дебютом.

Так Петька Комендант привыкал к цирковым будням.

И ЗАЯЦ СПОСОБЕН НА ПОДВИГ

Он был самым обыкновенным зайцем. Летом его шкурка, как и полагается, желтела; зимой заяц становился белым, и чёрные полосы на его ушах резко выделялись.

Как-то заяц выступал в приморском городе. Время осеннее, вот-вот должна была перемениться шкурка, но заяц почему-то так и остался жёлтым, летним. Говорят, что с зайцами такое случается, если море рядом. На характере его, пожалуй, это не отразилось. Заяц по-прежнему был пуглив, боялся всяких новых

предметов и, разозлённый чем-нибудь, угрюмо и подолгу выбивал барабанную дробь. В цирке среди зверюшек он и был барабанщиком. Для зайца такая работа была не трудной: барабанить, раздражаясь по пустякам, он привык с детства в лесу. Только здесь, в цирке, барабанить нужно было не со злости, а по знаку дрессировщика. Ну что ж, нужно так нужно, лишь бы за это давали вкусную душистую петрушку. И заяц, увидев её, безразличный к публике, весело барабанил под оркестр.

Так и жил заяц в цирке ничем не примечательным рядовым артистом. Он даже не имел своей отдельной квартиры, а жил вместе с целой семьёй никогда не унывающих, шумливых морских свинок. Друг другу они не мешали: заяц жил, не обращая на соседей внимания, а шустрые свинки, наверное, уважали его, такого большого, ушастого и умеющего прыгать аж до самого потолка клетки, уважали, будто он был их вожатым. Только иногда морские свинки испуганно замолкали, слушая, как бойко и чётко на спине какого-нибудь их сородича заяц репетирует свой музыкальный номер.

На выступления их возили вместе. Но случалось зайцу со свинками работать перед ребятами, к которым ни поездом не проехать, ни пароходом не доплыть, — тогда все самолётом вылетали. Тут, конечно, неприметные артисты — заяц, лисицы, петухи, куницы — на первом месте оказывались. Ведь слона в небо не подымешь!

И вот однажды летел заяц со своими соседями на самолёте. Трудный рейс был. Недаром свинки замолкли, будто уснули, а зайцу дышать всё тяжелее становилось. Когда самолёт приземлился, сразу стали клетки вынимать и ставить на багажную тележку. Нагрузили полную тележку и отправили клетки к машине. Лишь одна заячья клетка случайно свалилась и затерялась среди каких-то тюков. Зайца от решётки не оторвёшь: никак не надышится крутым морозным воздухом. Даже свинки ожили, засуетились.

Сначала мелкие холодные капли стекали с решётки, потом ровным слоем снежок запорошил все углы клетки. У свинок пропало оживление. Они сбились в грудку и жалобно пищали. Заяц же растянулся во всю длину и замер, словно неживой.

Вскоре на небе звёзды повысыпали. Заяц по-прежнему не двигался. А морские свинки, как ни устраивали кучу малу, всё не могли согреться.

Неожиданно маленькая рыжая свинка прижалась к заячьему боку, а за ней и остальные. И заяц стал подниматься, подниматься и вскоре очутился на ковре из морских свинок. Тогда заяц разлёгся поудобнее, почти во всю ширину клетки.

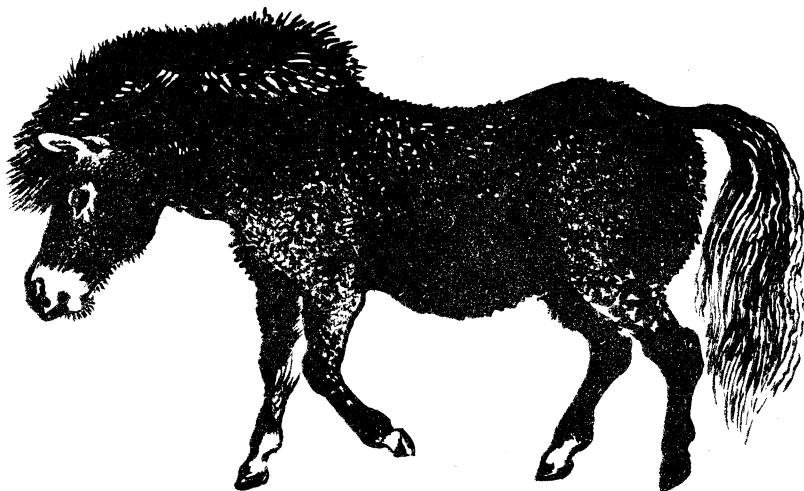
А наутро, когда нашли затерявшуюся клетку, разгребли под решёткой снежок, увидели: лежит заяц и не двигается, а морские свинки, как под наседкой цыплята, спрятались под зайцем и согрелись.

Так спас заяц всем свинкам жизнь.

И, хотя на представлении перед зрителем заяц, как всегда, выбивал на барабане польку, всё же теперь он был героем, и было ясно, что даже ничем не примечательный заяц способен на подвиг.

КАК СВИНЬЯ СТАЛА РЫСАКОМ

Ещё утром стало заметно: маленький пони Чарлик прихрамывает. Даже страшный седок в небольшой коляске — гепард — не вызывал у него обычного напряжённого оживления. Чарлик на репетиции плёлся медленно, и вечером катание гепарда в коляске не было показано.

Коляску с крохотным хомутом после представления выволокли на манеж для осмотра, но, как и предполагали, она оказалась в полной исправности.

— Опять при переезде лошадка повредила себе ногу. Нет, это, конечно, вывих, — сказал расстроенный дрессировщик, оглядывая Чарлика, уныло жавшегося к барьеру. — Коляску оставьте и займитесь новыми животными. Кому необходимо размяться, — выпустить на манеж.

Дрессировщик ещё раз оглядел Чарлика и пошёл разгримировываться.

Чарлика отвели на конюшню, а коляска так и осталась сиротливо стоять на месте.

Животных было не так много. Всего две клетки.

В одной, растянувшись, лежала обыкновенная свинья. Но вторая клетка была устроена странно: сбоку она напоминала букву «Г», верхний конец которой спереди был затянут проволоочной сеткой. За сеткой металось змееобразное непонятное существо с маленькой головкой.

И служащий испуганно отпрянул назад:

— Это ещё что за птица такая?

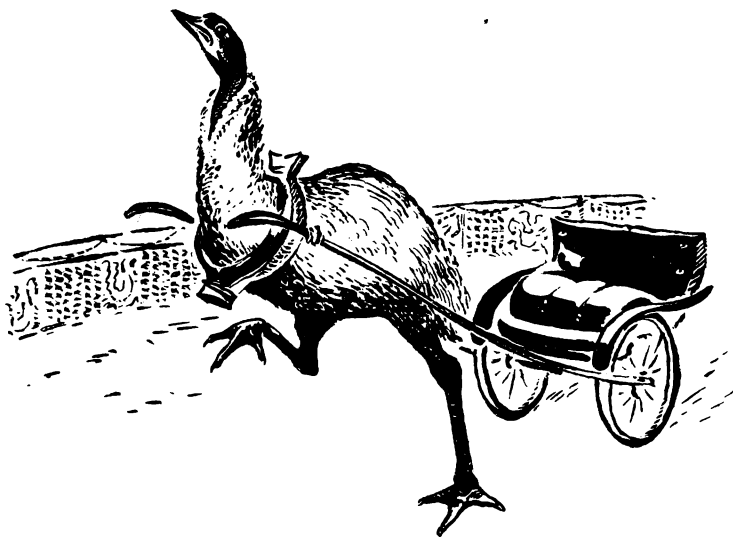
Но существо и впрямь оказалось птицей. А наверху, над дверцей клетки, — дощечка с надписью: «Страус Теодоро, родом из Южной Австралии».

Служащий почесал затылок и, всё ещё глядя на извивающуюся змееобразную птицу с удивлённо выпученными круглыми глазами, умильно прошептал:

И впрямь птица. Ишь ты, глазастый! Фёдор, значит.

Он подтянул клетку к манежу и, приоткрыв дверцу, выпустил птицу. Затем тотчас стремительно задвинул проход так, чтобы барьер образовал одну линию круга.

Птица взволнованно забегала по манежу, высоко выбрасывая ноги, и вдруг, увидев зияющее отверстие хомута, поспешно просунула голову и забегала по манежу уже с коляской.

— Эк угораздило! — рассердился служащий.

Он не знал, как выпрягать самовольного извозчика, и решил понаблюдать за ним до утра. А утром, когда пустые стулья зрительного зала начинали постепенно вырисовываться всё ярче и ярче, словно выплывая из тумана, а на опилки манежа уже падал обычный дневной свет, дрессировщик, пришедший на репетицию, был поражён: страус лежал на опилках и был впряжён в коляску. А когда, завидев людей, он вскочил, коляска поползла за ним.

Всё было кстати: дня через два гепард выезжал на норовистом двуногом скакуне — страусе, который, петляя, катил по опилкам растерянного хищника так, что тому, наверное, казалось: манеж весь в ухабах и кочках.

Но не прошло и недели, как снова интересный номер был снят с программы. Страус, привыкший к коляске, как к клетке, неожиданно повёл себя странно. Он целые дни копошился у себя в вольере, рыл какие-то ямки, почти не подходил к кормушке, и однажды, убирая его клетку, служащий обнаружил громадное, раз в десять больше куриного, зелёное страусовое яйцо.

Видимо, мирная птица не пожелала возить хищника и, не зная, как одной с ним бороться, решила вывести целую роту страусят. Но страус не знал, что в условиях цирковых переездов ему будет невозможно осуществить такой замысел. Это, конечно, мог знать только дрессировщик. Он, однако, был благодарен птице уж только за то, что многие школы городов, где гастролировала его труппа животных, пополнили страусовыми яйцами коллекции экспонатов по зоологии. Вот за это дрессировщик разрешил страусу на время забыть о ненавистной коляске.

И снова дрессировщик, задумавшись, глядел на гепарда.

А служащий шутливо сказал:

— Нынче даже страус гепарду свинью подложил.

— А что вы думаете? Так тоже будет любопытно.

Приведите мне в манеж свинью, — обратился дрессировщик к недоумевающему служащему.

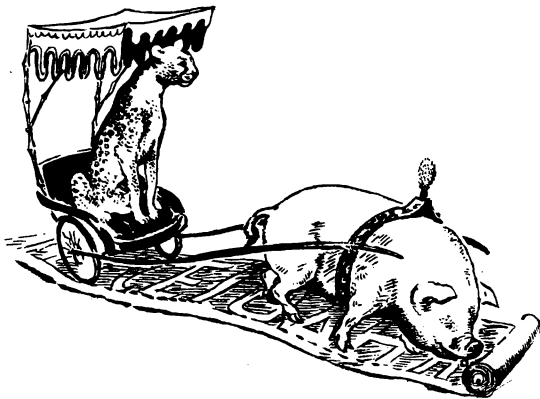
Похрюкивая и смешно семеня, свинья неторопливо вышла на манеж. Она с первой минуты появления в цирке стала гордиться. Её выпустили на манеж сразу, без репетиций. Она должна была развернуть сложенную в рулон дорожку, чтобы зрители прочли: «Сегодня Дуров». Дело нехитрое. При каждом толчке пятка свинья находила хлеб. Так она разворачивала дорожку и съедала весь хлеб, а когда публика шумно аплодировала, свинья чувствовала себя уверенней.

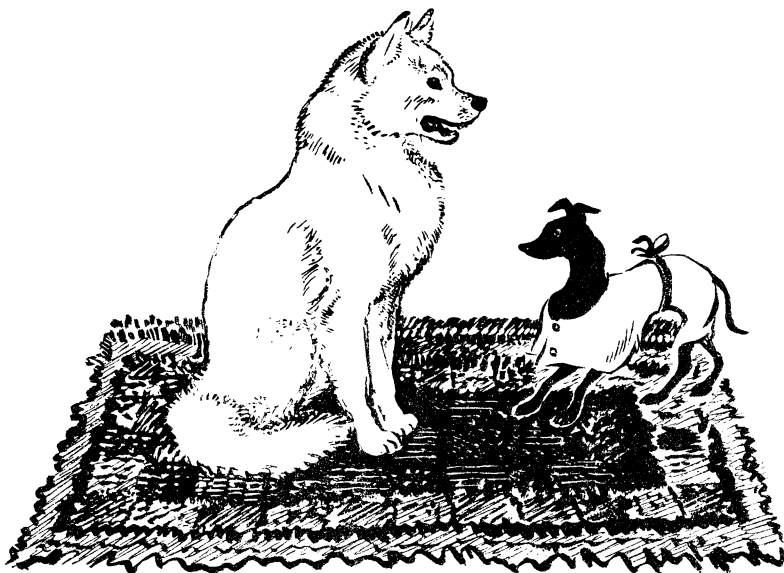
Ведь она первая из своей родни, потому что не в хлеву, а на манеже, открыто, при публике, аппетитно съедала хлеб, — имела такой успех.

Теперь она дала без труда впрячь себя в коляску и, даже не оглянувшись на страшного седока, стала разворачивать дорожку. Дорожка кончилась, свинья остановилась в ожидании аплодисментов. Но сейчас вместо них она услышала только голос дрессировщика:

— Дорожку придётся сделать на весь круг манежа. Пусть будет так: «Сегодня Дуров со своими четвероногими артистами». Правда, времени много уйдёт на чтение, зато два номера соединены в один, и, кажется, неплохой.

Так свинья стала рысакom и исправно выполняла свои обязанности. Не боялась хищника гепарда, ибо жирная шея и хомут мешали ей оглядываться назад, да, впрочем, ей было всё равно, кого возить, лишь бы за это беспрестанно жевать вкусные хлебные крошки.

ДВЕ ПОДРУЖКИ

Это две небольшие собачки — Снежка и Бемби. Как вода не похожа на камень, так и две подружки были совершенно различными. Снежка — северянка, с густой нарядной шерстью, а Бемби — маленькая африканская левретка, почти совсем голая, только на бородавках около мордочки у неё вырастали длинные, как усы, щетинки.

Даже в самое жаркое московское лето Бемби бывало холодно. Она старалась зарыться в свой ватный тюфячок, а если случалось ей выбегать на улицу, Бемби, быстро топоча крохотными ножками, вся как-то съеживалась и мелко дрожала.

Когда солнечные лучи попадали в дом и, словно прожектора, выхватывали на свет целые куски комнаты, в луче обязательно оказывалась Бемби. И, по мере того как блики весёлого солнышка передвигались, Бемби переходила с места на место, пытаясь не про-

пустить ни одного живительного для себя тёплого луча. Пожалуй, именно в эти минуты у неё бывало выражение полного довольства. И тогда маленькая левретка Бемби не могла, наверное, понять свою подружку Снежку, которая пряталась от жаркого солнца где-нибудь под диваном и лежала там, тяжело и часто дыша, да ещё показывая при этом свой красный язычок.

Не понимала Бемби и Снежкиной привязанности к хозяину. Бемби ласкалась к тому, кого считала сильным, и кусала того, кого абсолютно не боялась. Когда хозяин уезжал и собаки оставались с кем-нибудь из служащих, Бемби чувствовала себя так, как всегда, а Снежка почему-то худела и по вечерам тосковала и не отходила от двери.

Снежку все любили — ведь она была артисткой, которая всех удивляла своими способностями. А про хитрую Бемби говорили, что она редкая и уже вымирающая порода собак, её жалели, баловали и обращались с ней чрезвычайно осторожно. На зиму ей вязали тёплый собачий свитер, который должен был заменить шерсть, и выносили на улицу не иначе как под пальто, откуда, высунув мордочку, она с любопытством, но снисходительно рассматривала окружающих.

И то ли потому, что она была редкая, исключительная собака и ей не нужно было работать перед зрителями, как Снежке, то ли потому, что она чувствовала, что её накормят и приласкают уж только за то, что она существует, Бемби становилась всё чопорнее и нелюдимей. Даже к привязанности доброй Снежки она относилась как к должному и уж мясные косточки Снежкиного обеда, конечно, считала своим достоянием.

Правда, у Снежки были красивые ленты для бантиков и ошейник с серебряной надписью, чья она собака, а у Бемби ничего этого не было: бантики завязывать было не за что, а ошейник натирал её нежную, как у человека, кожу.

А Бемби очень хотелось иметь что-то своё и беречь, никому не отдавая. Поэтому часто можно было видеть, как она стережёт давно обглоданную косточку.

Хозяину эта Бембина привычка не нравилась. Он отнимал у неё косточку, но в пепельницу или урну не бросал: хозяин знал, что Бемби обязательно найдёт и снова, на всех ворча, будет охранять её, поэтому клал косточку на письменный стол так, чтобы Бемби видела. И на столе всегда были две-три такие косточки да ещё красовались выпавший слоновый зуб, панты оленя и страусовое яйцо.

Бемби зачастую не сводила глаз с письменного стола, сторожاً кости.

Как-то к хозяину пришли гости, и он принялся рассказывать обо всех диковинках, что лежали на письменном столе: и про зуб слона, и про панты оленя. Но, дойдя до Бембиного имущества, хозяин слегка смутился, но тут же торжественно поднял палец и шутливо сказал:

— О, это очень редкая штука! Это зубы удава!

Кто-то из гостей потянулся было посмотреть несуществующие зубы змеи, но в это время Бемби зло заворчала, а хозяин, засмеявшись, заставил Снежку сесть на задние лапы и протанцевать вальс.

Снежка всё умела. А Бемби единственно что мог-

ла — это ездить безбилетным пассажиром. У неё было какое-то особое чутьё на проводников. Бывало, стоит показаться проводнику, как Бемби мгновенно исчезала, только пиджак хозяина странно вздувался.

Снежка же ездила всегда на законном основании, как настоящая артистка.

И Бемби, наверное, завидовала Снежке. Но однажды и ей представился случай выступить на манеже. Хозяину принесли сатиру на бюрократа, с которого, почти как в басне, «семь шкур должны спустить и голым в Африку пустить».

Хозяин подумал и решил. И вот перед зрителями стоит ящик, в котором будут «сдирать с бюрократа шкуру». Разъярённый клоун хватает упирающуюся лохматую Снежку и через минуту из ящика вместо неё вытаскивает маленький, жалкий, голый комочек.

— Ага, попался!

— Так его! Так его! — хохочет публика.

А голый комочек, которым, конечно, была Бемби, озираясь по сторонам, стоит и дрожит от страха перед множеством людей и ярким-ярким светом.

Из-за занавеса раздаётся:

— Бемби! Ко мне!

Но она не слышит. Подобравшись, трясущаяся и испуганная, вместо того чтобы быстро пробежать к хозяину, Бемби вдруг протяжно начинает выть.

И тут-то и случилось неожиданное. Крышка ящика поднялась, и на глазах у публики бюрократ раздвоился. Это верный друг Снежка поспешила к Бемби на

помощь. Собаки быстро скрылись за занавесом. И, несмотря на то что кто-то крикнул: «Своя же шкура выручила!» — номер был испорчен.

Когда собаки очутились дома, хозяин отругал Снежку. Он был зол и, наверное, поэтому не подумал, что талантливая артистка подвела его первый раз в своей жизни.

Обиженная и без вины виноватая, Снежка лежала рядом с подругой, как всегда согревая Бемби своим теплом, и, глядя на них, у хозяина вдруг появилась неприязнь к никому не нужной, но редкостной и хольной собачке.

Он хотел подойти и наказать Бемби. Но раздумал. Ведь она всё равно была вымирающей породы.

ЕЖОНОК ТИМКА И МЫШОНОК НЕВИДИМКА

Гроза началась утром. Светлое небо сразу стало вечерним. Молния запрыгала по чёрным тучам, разрезая их на мгновение и разливая по ним огненные ручьи. Гром бил деревья по макушкам. Те скрипели, трещали, накреньялись, но силы свои знали. Там, где прочный ствол, и гроза не страшна, зато листья испуганно трепетали, совершая от страха бег на одном и том же месте. А ветер беспощадно полоскал их зелень в косых струях ливня.

На всех действовала гроза, даже в комнате вещи и те стали угрюмее, темнее. Только стенные часы отбивали своё время: тик-так. Они-то знали, что гроза — это явление временное: тик-так.

Я жду, когда окончится гроза, и смотрю на темнеющий в углу клубок ниток. Едва слышится раскат грома, как клубок вдруг начинает ершиться, стано-

виться больше, и, если подойти ближе, можно заметить, как он часто и взволнованно дышит. Конечно, только издали можно принять колючий шарик с хвостом за клубок ниток. На самом деле передо мной два друга — Тимка и Невидимка. Тимка — ёж, Невидимка — мышонок.

Вы удивляетесь? Вы правы! Они истонные враги. Но чего не случается в грозу! Вот послушайте.

Однажды я приехала в пионерский лагерь. Началась гроза. Сильная, с бурей. Пошумела, пошумела и вскоре прошла. Мы с ребятами в лес отправились. И тут увидели. Большое дерево, сломанное буреломом, упало наземь, подмяло под себя маленькие деревца. А самой верхушкой, где и ветки тоненькие, кажется, дунь — и они зашелестят, самой верхушкой дерево убило ежиху. Так она и лежала, распластавшись и выпустив все свои иголки. Рядом маленький ежонок толкался мордочкой в её бок и, наколовшись, отскакивал в сторону.

Ребята подняли его и сказали:

— Возьмите, у вас ведь много животных. Он вырастет, артистом будет. Возьмите, пожалуйста.

Я развела руками, но ежонок взяла и решила: артистом, может, ёжик не станет, а меня выручит. В старом буфете живёт мышь, а я, хоть и вожусь с животными, мышей боюсь и терпеть не могу мышеловок. Поэтому, когда я прохожу мимо буфета, сердце моё всегда там, где, во всяком случае, должна быть пятка. Вот я и решила: ёжик подрастёт и поймаёт эту мышь.

Только мы приехали домой, а мне говорят:

— Теперь мимо буфета можешь проходить спокойно — у нас гроза была сильная, мышь испугалась грозы, выскочила из буфета и угодила собакам в лапы.

— Что теперь делать? Живи, ёжик, безработным, — сказала я.

Так и стал жить ёж у нас дома. Днём прятался подальше от собак, ночью наперегонки с часами отби-

вал топанием время. И, проснувшись, я иногда путала: часы ли твердят своё «тик-так» или ёжик бежит по комнате, где вместо мягкой травы — паркетный пол, поэтому и раздаётся гулко его «топ-топ-топ».

Прошло два дня. На третий день утром я хотела покормить ёжика, но от неожиданности застыла на месте. По комнате к блюдецке с молоком топал маленький ёж, а за ним, с напёрсток величиной, — едва опушившийся мышонок. Он, видимо, сидел два дня в буфете, ждал маму, но её всё не было. Тогда мышонок вылез и растерялся. Он увидел ежонка. Но глупый мышонок принял его за маму. Новая мама была почти такая же, только у неё не было хвоста и она так кололась, что мышонку нельзя было согреться возле её бока. Однако мышонок был упрям и не отставал ни на шаг от ежонка.

Все мои четвероногие друзья были озабочены новыми соседями. Особенно собаки возмутились неожиданными жильцами и, задржав хвост, бросились на малышей. Через минуту собаки, воя, забрались под тахту, а на полу остался игольчатый шарик.

Но где же мышонок? Я обыскала все углы квартиры и не нашла. К вечеру друзья опять бороздили комнату. И я заметила, что, как только кому-нибудь из них грозила опасность, на полу оставался один колючий шарик — ёж Тимка, — мышонок исчезал. Поэтому и пришлось исчезавшего непонятно куда мышонка назвать Невидимкой.

Вскоре друзья подросли. И мне стало ясно, где прячется Невидимка. Стоило собакам приблизиться к ним, как Тимка сворачивался в клубок, и из него торчал Невидимкин хвост.

Как-то пришла ко мне моя подруга и, узнав, что у меня есть ёж, сказала:

— У нас так много мышей дома! Ты не дашь мне ежа хотя бы на один день?

— Пожалуйста, — ответила я.

Завязала Тимку в носовой платок и отдала подруге.

Маленький Невидимка метался по комнате, ища друга, с отчаяния начинал наступать на собак, и те, огромные собаки, поджав хвост, убегали от мышонка.

Когда же, устав от поисков Тимки, Невидимка затих около блюдечка с молоком, раздался звонок.

Я открыла дверь и увидела подругу.

— Что ты мне дала? — Моя подруга была рассержена.

— Как — что? Ежа.

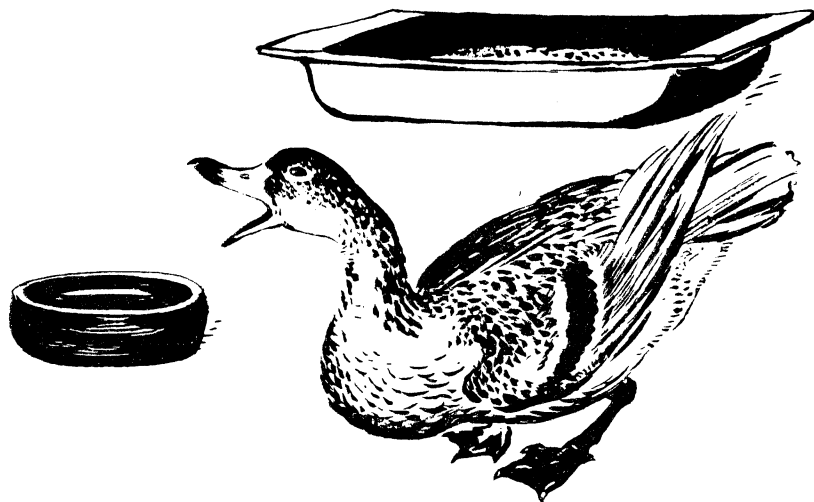
— Хорошенький ёж, когда он с нашими мышами чуть ли не в горелки играет! Забирай его обратно.

Но, увидев, как встретились Тимка с Невидимкой, она поняла, что ежу все мыши казались Невидимками. Просто из-за друга-мышонка ёж потерял свою «квалификацию». Но в этом была виновата, конечно, одна гроза: она отняла у малышей их мам, и никто не мог научить ежа Тимку поймать Невидимку, а мышонка Невидимку — бояться Тимки.

Да, чего не случается в грозу!

Кстати, пока я рассказывала вам про Тимку и Невидимку, гроза прошла. Ну конечно, совсем прошла, потому что Тимка, а за ним и Невидимка снова топают по комнате.

ПРИВИТЫЙ ДИЧОК

В зверинце зимовала утка в одном бассейне с чайками. Три большие, драчливые птицы загоняли её в самый дальний угол, клевали своими как цветной воск клювами и, развеселившись, плавали одни.

Дикая утка, пёстренькая, неприметная, появлялась в бассейне только с первым говором ребят. Экскурсии быстро проходили мимо, и снова чайки прогоняли её.

Иногда дикую утку брали на спектакль-сказку «Терем-теремок». В сказке праздновали день рождения собаки Мушки. Звери лесные и звери домашние шли с поздравлениями. Среди них была и дикая утка. Ребята видели сказку, а утка жила этой сказкой. И хоть лес там был не настоящий — и даже если клювом дотронуться до ветки, то ничего не зашелестит, не двинется, — лес этот просто нарисован на куске холста, однако другого леса в жизни утки теперь не было, и она любила даже сказку, в которой точь-в-точь как

на воле могла идти спокойно, не озираясь пугливо на чаек.

После спектакля чайки сварливо встречали её.

«У-а-ма-ма-ма!» — перебивая друг друга, угрожали ей чайки. Они тоже были дикие, с самого крайнего севера, и если утка уже напоминала привитый дичок, то чайки были всё ещё дики и злы.

Утка подолгу глядела на них, и тогда, наверное, ей начинало казаться, что бассейн — это прорубь, а мечущиеся чайки — серовато-белые глыбы снега. Она каждый день ждала возвращения в сказку, и, когда клетка для переноски животных подъезжала к бассейну, утка мгновенно бросалась в воду. Чайки с криком летели вдогонку, будто не утка была в бассейне, а кусок рыбы, который им бросили и они не могут его поделить.

А утка бесстрашно плыла в свою сказку...

Так прошла зима, и вскоре косые, слабые лучи солнца стали играть мутной водой бассейна. Чайки засуетились. Но крики их по-прежнему были схожи с

завыванием вьюги, и утка зябко поёживалась. Злые чайки недавно у неё отняли сказку. С подбитым крылом, слабая, частенько голодная, утка стала в сказке ходить так, как ходила всегда в клетке. Но сказка есть сказка! С тех пор она кончилась для дикой утки. Поэтому утка уже не ждала лета.

Зато чайки становились крепче, белые перья их настолько прилегали друг к другу, что можно было подумать: не перья так гладко обтянули круглую голову, — нет, просто птицы эти лайковые¹. Теперь чайки часто расправляли свои крылья. Даже вечером, когда в зверинце начинало темнеть, утке казалось, будто солнечные лучи лежат на чайках. Три драчливые птицы были настолько ослепительны: белый цвет их голов и грудок был неестественно бел, а серые спины и крылья отливали светлой и однотонной краской. Весь этот необыкновенно обтекаемый верх держался на тоненьких прутиках-ножках с перепончатыми лапками. И, если чайки бежали, можно было подумать, что они летят, так быстры и легки были их движения.

Утка сидела неделями возле воды, но чувствовала только её запах, а когда чайки плавали и купались, брызги летели и к ней. Утка их не ловила. Зачем? Она давно перестала бороться за воду, за корм. Она затихла и не ждала лета.

Как-то чаек вынули из клетки и подрезали им крылья. Потом вместе с дикой уткой выпустили в летний бассейн. Возле бассейна росли кусты. Кусты зелёные, небо неподвижное, синее, вода прозрачная. Поплыли чайки. Видно, как лапками перебирают.

Глаза утки загорелись. Нерешительно переступая, она пошла к переливающейся дорожке, которую прочертил солнечный луч в бассейне. Но чайки мгновенно набросились на дикую утку. Она забилась под куст и потянулась к зелёному листку — попробовать, не холст ли это. Лист был живой, душистый. Ещё несколько секунд застывшими глазами смотрела на си-

---

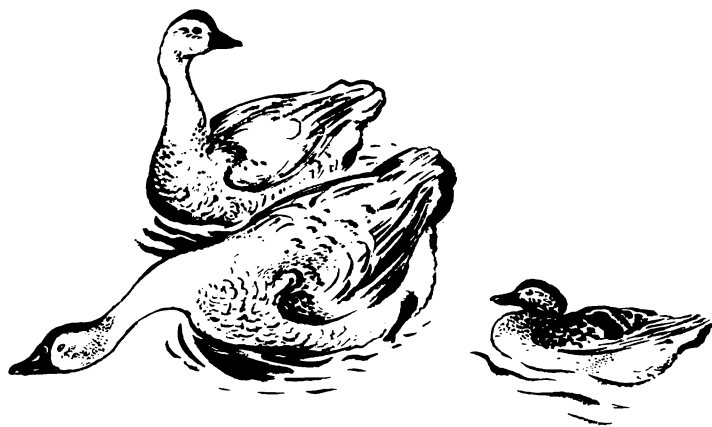
¹ Л а й к а — сорт мягкой кожи.

нее небо, зелёный куст и прозрачную воду. Потом она спрятала свою голову под крыло. Очнулась она от крика и увидела, как в бассейн степенно вошли два больших обыкновенных гуся. Чайки, разрезая воду, стремительно налетели на них, но гуси вошли в воду, поплыли, а потом, даже не меняя положения, только изогнув свои красивые шеи, дали чайкам сильный отпор. Вскоре на воде остались два гуся и пух чаек. Три драчливые птицы сбились в кучку около ограды и жалобно тянули своё: «У-а-ма-ма-ма-ма-ма!»

Утка глядела на гусей. Теплыли по воде, как два больших парохода. Глядела, глядела и вдруг подошла к воде, соскользнула в бассейн и закачалась маленькой лодчонкой на волнах от гусей-пароходов.

Дикая утка совсем их не боялась — ведь она уже давно стала привитым дичком.

Посвящаю маме

КОТКА

(Быль)

— Скажите, состав с дуровскими животными скоро прибудет?— обращаюсь я к дежурному по станции.

Опять опоздание! Снова шагаю по перрону. А дождь, зарядивший с утра, моросит не переставая. Вокруг меня гудки, свистки, голоса людей, а я хожу и думаю о Котке...

Котку мне подарили охотники в Магнитогорске. Они приволокли её в громадной самодельной клетке и, чтобы показать мне подарок, долго поднимали зверя палками.

— Это вам от нас камышовый кот, — сказали охотники, преподнося мне подарок.

А из клетки, ворча и испуганно прижавшись к прутьям, глядела на меня жалкая и худая, почти домашняя кошка.

В окрестностях горы Магнитной такие звери ни разу не встречались, и охотники меня уверяли, что нынче зимой к ним из Свердловска с эшелонами леса пере-

кочевало семейство камышовых котов. Двух они убили, а этот вот забрёл, видно от голода, на стройку да и попал в клетку.

Верилось этому с трудом, но подарок я приняла охотно и была ему рада. Позвала своего помощника, и он, надев большие брезентовые рукавицы, стал вытаскивать зверюшку из клетки. Она плотнее прижалась к прутьям, зло зарокотала и неожиданно бросилась надвигающиеся к ней рукавицы.

Однако из клетки её вытянули, а вот ошейник надеть было сложнее. Для этого взяли двухметровую палку с петлей на конце, петлю набросили на зверюшку, затянули, получился ошейник, и, сколько она ни извивалась, человека достать ей мешала палка.

Тогда она стала прыгать и вдруг, оскалив клыки и судорожно забившись, вся как-то обмякла и безжизненно шлёпнулась на цемент пола.

Не отдавая себе отчёта, я бросилась к зверюшке, схватила её на руки и крикнула:

— Воды, скорее! — да так и осталась стоять, пока не почувствовала, что зверюшка приходит в себя.

К моим рукам подставили клетку, и я быстро ссадила туда опасного зверя.

Когда клетку понесли, я оглянулась и увидела маму. Она была взволнована.

— Ты хочешь с ней репетировать? — спросила она меня.

Я кивнула головой.

— Но ведь с рысями никто ещё не работал.

— Почему с рысями? Это же камышо...

— Нет, рысь. Обрати внимание — у неё только начинают появляться кисточки на ушах, а баки очень заметны. Рысёнку месяцев восемь, не больше. Подумай хорошенько! Эта Котька страшная.

Но я всё равно целыми днями пропадала около рысей клетки. Мне сделали палки с остриём на конце. Я насаживала на них мясо и, точно сырой шашлык, подавала его Котьке. Первые дни она не брала мясо и глухо ворчала, заведя палку. Но голод в кон-

це концов заставил её подойти. Вскоре Котька поняла, что я вовсе не собираюсь колотить или поднимать её этими палками, и дочерчиво шла, услышав мой голос: «Котька! Котька!»

Рысь позволяла мне через прутья решётки гладить её, чесать красивую, ярко разрисованную морду. Когда же я чересчур храбро подходила к ней, крохотные кисточки на ушах начинали дрожать, а чёрный помпон хвоста беспокойно и зло метался из стороны в сторону.

Вскоре пришло время начать репетиции. Клетку вывезли на манеж. Открыли дверцу.

Я взяла в руки мясо и тихо позвала:

— Котька! Ко мне!

Она выглянула из клетки. Осмотрелась и, осторожно, бесшумно ступая, пошла ко мне. Съела мясо. Я хотела её погладить. Она ответила недовольным ворчанием. Я настойчиво протянула к ней руку. Точным и лёгким ударом Котька отбросила мою руку. Тогда я схватила одной рукой её мордочку, а другой — лапу и крепко сжала их. Я так держала до тех пор, пока не почувствовала, что её напряжённые мышцы стали ослабевать, а горящие зелёные глаза, испуганно бегающие, застыли, ожидая, что будет дальше.

Я выпустила её и ласково сказала:

— Нά, Котька, нά, — и протянула большой кусок мяса.

Котька потянулась к нему, но неожиданно рванулась влево и в два прыжка очутилась в клетке.

День за днём я кормила её на манеже, приучала ходить на цепочке, сидеть со мной спокойно на барьере, на опилках, ложиться рядом со мной на ковёр. Делала я это всё не случайно.

Вскоре Котька привыкла ко мне настолько, что ходила за мной, как собака. Тут и наступили настоящие репетиции. Котька должна была учиться уже артистическому мастерству: уметь сделать пируэт и прыгнуть

с тумбы на тумбу на расстояние пока в два метра, потом сесть на задние лапы, катить огромный шар, а главное, идти на цепочке по барьеру почти рядом со зрителем.

В полгода Котька стала настоящей артисткой, но в канун своей премьеры ¹ вдруг заболела. Ветеринары посоветовали строгий режим. За ней нужно было следить, и я решила взять её к себе в гостиницу.

Привезла Котьку, уложила на мягкой подстилке и, закрыв номер на ключ, ушла в цирк. А в это время дежурная хотела убрать в комнате, где я жила. Открыла дверь, да так и ахнула. На неё, сердито ворча, наступала скучавшая в чуждой для неё обстановке громадная рысь.

Нас, конечно, выселили из гостиницы, и маме стоило немало труда уговорить директора пустить нас обратно, дав слово при этом, что ничего подобного не повторится.

Нашей маме всегда доставалось от её буйной семьи дрессировщиков. На мои репетиции она старалась не приходить. Хоть сердце у неё было и мужественное, оно всё же было сердцем матери. Она боялась, что в какой-нибудь опасный момент вдруг не выдержит,

---

¹ Премьера — первое выступление перед зрителями.

вскрикнет и тем самым отвлечёт от зверя моё внимание. В такое время животное, потерявшее управление дрессировщика, может принести ему беду. Вот почему мама не хотела бывать на моих репетициях. А на премьере, волнуясь за меня, она стояла за занавесом. И, выходя в цветную сетку прожекторов, я видела, как дрожал тот кусок занавеса, что сжимали её руки. Я видела, что мама ненавидит Котьку, которая без остатка заполняла всё моё время и от которой подчас зависела моя жизнь. Но я знала, что в эту минуту, ко-

гда у нас обеих премьеры, мама так же волнуется за Котьку, как и за меня.

Ослеплённые прожекторами, мы не видели зрителей, но ощущали их, слышали гул удивления, прокатившийся по рядам. Когда Котька спрыгнула с барьера, дали полный свет. Моё платье с длинной, шуршащей юбкой было незнакомо Котьке. Ей захотелось дотронуться до него лапой. И вот, играя юбкой, она задевает ког-

тями мою ногу, я чувствую режущую боль, но номер идёт своим чередом. Котья крутит пируэт, затем садится на столик, потом берёт у меня из рук мясо, и, поднимаясь на задние лапы, обхватывает передними мои плечи.

— Молодец, Котья! Молодец!

Рысь точно выполняет свои трюки: спрыгивает со столика, снова делает пируэт...

И вот номер окончен. Котья снисходительно принимает аплодисменты: она к ним привыкла, на репетициях я всех, кто ни проходил мимо, просила аплодировать. На арену полетели цветы. Цветов Котья никогда не видела. От брошенных нам букетов она пятится и цепочкой, которую я крепко держу, увлекает меня за занавес. Здесь я теряю сознание и падаю на пол. Подойти ко мне никто не мог: рядом была рысь, отогнать её струёй воды из брандспойта опасно — боялись, что она бросится на меня. А когда я пришла в себя, увидела: лежит со мной рядом Котья и как ни в чём не бывало лижет мою руку.

Так прошла наша премьера, после которой я очутилась в больнице, а Котья, ни в чём не виноватая, решившая поиграть с незнакомым для неё платьем и случайно поранившая мне ногу, тоскливо сидела у себя в клетке.

Через два дня, когда мне стало легче, из дирекции цирка пришли со мной советоваться, что делать с рысью. Переправить ли её в зверинец или сдать на шкуру в краеведческий музей. Оставлять для работы животное, почуявшее кровь дрессировщика, опасно.

Я смотрела на пришедших ко мне людей и удивлялась. Неужели им непонятно, что Котья — год моей жизни, моё детище, с которым мне расстаться невозможно? Я ничего не ответила им, но они поняли, что расстаться с рысью я не могу. Из больницы они поехали в цирк. И там продолжали обсуждение, что же делать с Котькой. Среди стоявших около клетки была и моя мама. Она взяла палку с острым концом, несколько кусочков мяса и стала кормить Котьку.

Голодная рысь громко рычала и не хотела подниматься с места.

— Ну что же ты, Котька! — сказала мама. — Иди! Нельзя голодать, а то мне попадёт от твоей хозяйки.

Этим словом мама, сама того не зная, яснее ясного ответила на вопрос, который поставила передо мной дирекция цирка. Котька была спасена и вместе с другими животными отправлена в Ленинград, где после выздоровления я должна была вновь выступить с ней.

Но случилось так, что больше я уже не видела ярко залитого светом манежа. Непоправимое горе неожиданно обрушилось на меня: погибла мама. Я поняла: в цирк вернусь не скоро. Есть такой старый неписанный закон циркового манежа: случись у дрессировщика горе или радость — чувства, настолько огромные, что он не может скрыть их от своих животных, — то такой дрессировщик не имеет права выйти на манеж.

Я пришла проститься с Котькой, выпустила её в вольер, она радостно заурчала и стала тереться о мои ноги, а я глядела на Котьку и не видела её. Мне было горько. Хотелось, чтобы снова раздался ласковый голос мамы:

«Ты уже кончила репетировать? Пора!»

Но мамы не было. Было только большое, непоправимое горе, от которого я вдруг впервые потеряла самообладание и, прижав к себе Котькину голову, заплакала. Сейчас Котька могла бы порвать меня. Но она как будто всё понимала. И я чувствовала, как её шершавый язык лижет мои мокрые щёки. Слышала вкрадчивое мурлыканье и ощущала, как, ласкаясь ко мне, Котька то выпускала, то прятала свои острые когти.

Потом Котька, словно читая мои мысли и видя мою беспомощность, осторожно высвободила из моих рук свою голову и ушла в клетку. И оттуда долго и жадно смотрела на меня.

Наверное, в этом странном поведении зверя сказались его недоумение: ведь такой слабой ей не прихо-

дилось видеть меня. Но об этом я догадываюсь только сейчас, стоя на вокзале и ожидая поезда, с которым ехала Котька на свои гастроли, где выступала уже без меня.

Мимо проходят люди. Их всё больше и больше. Они оживлены. Видимо, пришёл состав с нашими животными. Да, правильно. И вот я у клетки. Передо мной большая, безразличная ко всему и уже знакомая мне рысь.

— Котька! Котька! — повторяю несколько раз, стараясь быть спокойной, и не отрываясь смотрю на неё.

Рысь неподвижна.

— Котька!

Она шевельнулась и снова застыла, будто прислушиваясь.

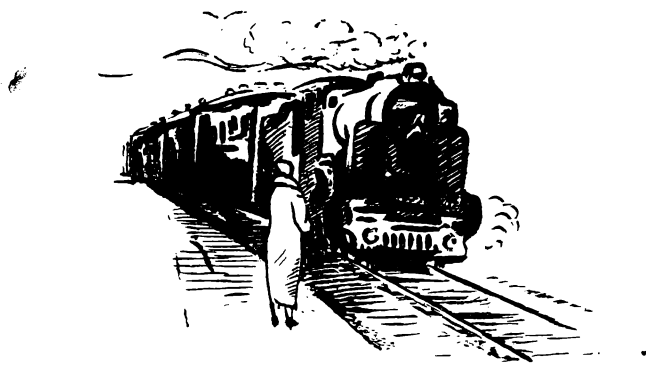
— Котька! — уже с отчаянием кричу ей и прижимаюсь к самой решётке.

Вдруг Котька рывком вскакивает и, глухо заворчав, идёт на мой голос...

Подходит, неторопливо обнюхивает моё пальто и снова бредёт к себе в клетку.

— Котька!

Мне снова хочется позвать её. Однако это бесполезно: Котька лишь смутно помнит мой голос. Что ж, так и должно быть — ведь у неё теперь новый хозяин.

Цена 8 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

В библиотечке «Книга за книгой» для детей младшего
школьного возраста в 1962 году издаются:

Александрова З.
ВЬЮТСЯ ИСКОРКИ КОСТРА!

Стихи и песни об октябрятах и пионерах, об их дружбе,
отдыхе и занятиях

Пантелеев Л.
НОЧКА.

Рассказ из времён гражданской войны о мужественном
поступке девочки

Паустовский К.
ЛЕТНИЕ ДНИ.

В книгу входят рассказы: «Барсучий нос», «Кот-ворюга»,
«Последний чёрт», «Резиновая лодка», «Золотой линь» и другие

Снегирёв Г.
ЧУДЕСНАЯ ЛОДКА.

Рассказы о любознательных ребятах, о тайнах природы,
о жизни животных, о многом интересном, что окружает нас

Фраерман Р.
НЕПОСЕДА.

Рассказы о детях: «Девочка с камнем», «Канюлы»,
«Верные друзья», «Непоседа» и другие.

Эти книги по мере выхода их в свет вы можете приобрести в магазинах Книготорга и потребкооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов. Можно также заказать книги и через отдел «Книга — почтой» по адресу: Москва, Б-120, ул Чкалова, 48-б, магазин Москниготорга № 94.